

Ирину Николаевну Бугримову знают все. А те, кто не знает, — лубоко неправы.

Сорок лет жизни провести в клетке со львами — это срок. И ей бы более подошло именоваться Ириной Львовой.

Почему именно львы — Ирина Николаевна объяснила просто и элегантно:

— Уж если кого из строптивых укротить, то престижнее всего царя. В данном случае — царя зверей. Хотя укротить его до конца и навсегда — это утопия, это для сказок и мультфильмов. Хищник есть хищник, и неизвестно, в какой момент в нем пробудится заложенная Богом натура и цирковое ампула сменится на саванное. И тогда ситуация может, образно говоря, обернуться саваном. Так было со львами Берберовых... Лев это не та киска, которая любит «Вискас». Он любит парное мясо и охоту за ним. Поэтому укрощенный лев — это, конечно, эффектно и зрелищно, может быть, именно из-за скрытой опасности. Но помнить об этой опасности нужно постоянно.

— У вас был любимый лев?

— Всего их у меня перебивало около семидесяти. И были среди них и комики, и трагики — характеры же у всех зверей разные, на этом и строится спектакль. Но, пожалуй, самый мой любимый — это Цезарь. Он проработал со мной 23 года. Я взяла трех пятимесячных львят и назвала этих трех братьев Кай, Юлий и Цезарь.

Цезарь был наиболее одаренным и внешне, и, так сказать, интеллектуально. И он очень любил свою работу. Как-то на излете своей творческой жизни он приболел, и я не вывела его на манеж, работала без него. Когда после аттракциона заглянула к нему, у него вся морда была в крови. Оказывается, он, услышав родную музыку, аплодисменты, начал биться о клетку, стараясь вырваться на манеж. «Как это — без него?! Что за дела?!».

Обычно львы работают по 10—15 лет, далее — на пенсию. А Це-

зарь процарствовал на манеже 23 года. Больше, чем его римский офамилец...

Он иногда даже портил мне номер, но из самых правозащитных побуждений. Например: у меня на манеже конфликт с каким-нибудь львом — плохо слушается, капризничает, угрожает... Не в настроении, может, видел плохой сон... И старый Цезарь влезает в этот конфликт и начинает того урезонивать, дескать, сопляк, знай свое место,

ловечески, и меня пришлось уносить.

Однако ж драматические моменты всегда перемежаются с комическими. Как-то мы начали работать — марш, удар бичом, львов выпускают, они очень эффектно в лучах прожекторов выскакивают на манеж и рассаживаются по тумбам. Но один, Аракс, проносится мимо и начинает возиться у края клетки, пытается что-то ухватить. Оказалось, там бегают мышонок. Как он его на ходу

да я пришла туда, к его передвижной клетке, шубка была разделана на мелкие кусочки, а остальные львы завистливо поглядывали, мол, повезло мужику, развлекался маленько.

Обычно в цирках, в форганге, перед занавесом бывает большое зеркало, где артист оглядывает себя перед самым выходом. И вот в Баку, когда клетку на манеже и коридор уже собрали, львы уже перед занавесом, ко мне в уборную при-

Кай, Юлий, Цезарь и Ирина Николаевна

Юрий СОКОЛОВ, «Известия»

справа на третьей тумбе, и не возникнет ли у него проблемы с мамой, огрызаясь... А тот держит амбицию и рычит: «Кто я — царь или дитя?!».

И вроде бы номер подпорчен, но, с другой стороны, публика ощущает всю рискованную красоту аттракциона. Цирковые артисты вообще все время балансируют на риске — таков уж закон нашего жанра.

У меня был номер со львом на качающейся доске под куполом, примерно метров 8—9. И когда мы его работали в Сочи, то трос за что-то зацепился, был рывок, и лев — его звали Демон — прыгнул с этой высоты в сторону маршала Ворошилова, который был среди зрителей. Случайно, конечно: ему что маршал, что униформист — оба в форме с позументами. Демон, как нормальная кошка, приземлился на все четыре точки и с удовольствием отправился на свою тумбу, где не качает. А я приземлилась по-че-

разглядел — просто удивительно! И вот теперь ловит. Какая-никакая, а все же охота, спорт. Не думаю, что тут был гастрономический интерес... Скорее, чапаевское: «Кто такой? Почему не знаю?».

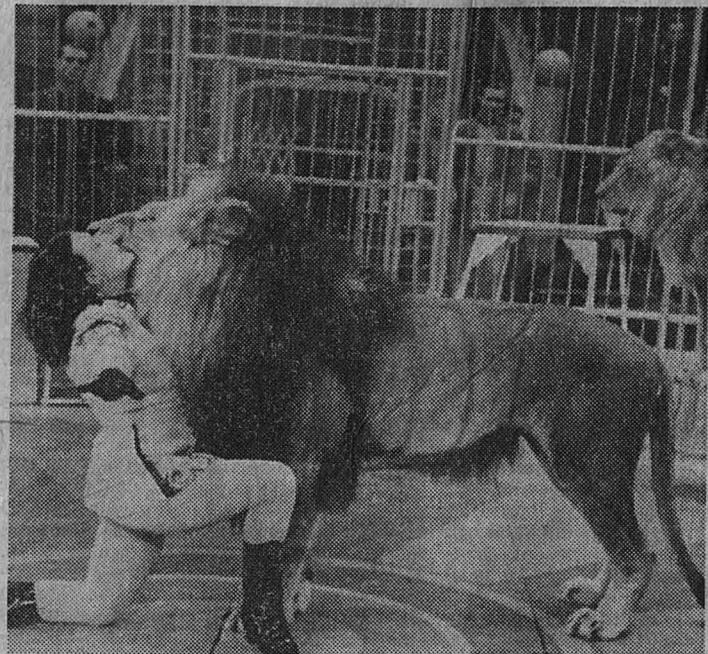
Мышонка в предынфарктном состоянии служитель вывел, но на следующий день при выходе львов Аракс снова кинулся на то же место — запомнил ведь — и был крайне удивлен, что мышонок отсутствует.

А в Болгарии, в передвижном цирке, где манеж был нестандартным — 11 метров вместо 13, и поэтому клетка стояла вплотную к барьеру, в который коленями упирались зрители, тоже случился охотничий эпизод. Я зазевалась и пропустила момент, когда Юлий просунул сквозь прутья лапу, схватил что-то с барьера и дал деру за кулисы. Все остальные — за ним. Оказалось, он стащил детскую меховую шубку, лежавшую на барьере. Ког-

бегают служитель и говорит, что лев Дик дико нервничает, не случилось бы чего. Прихожу — действительно. Представьте, он уже не по-чапаевски, а по-крыловски, увидев в зеркале гривастый образ свой, пытался выяснять отношения со своим отражением, которое тоже дико волновалось и вообще было агрессивным настроено, что, собственно, и не понравилось Диду. Кая, Юлия, Цезаря и других он постоянно видит, давно знаком — это коллеги. А эту нубийскую морду в зазеркалье видит впервые и не испытывает к ней ни симпатии, ни почтения.

Зеркало закрыли фанерой, и он какое-то время еще хорохорился, дескать, так согнет всякий, кто покусится на приоритет. Эта победная мысль, видимо, настолько его согрела, что он успокоился и важно прошествовал на манеж, как и подобает самодержцу.

Но опять-таки, как и Аракс с мышонком, он на следующий день

ревниво оглядывал место, где видел призрака, — вдруг тот после вчерашнего серьезного предупреждения объявится вновь.

— Ирина Николаевна, а со львицами вы не работаете?

— Нет. Как-то раз я пробовала, но затем отказалась. Понимаете, в природных условиях львиный быт построен так: лев — он паша, у него гарем, территорию он метит и уже никому визы не выдает. И сам на чужую суверенную территорию не суется. Хочешь быть пашой — уважай другого пашу. И он сидит «дома», играет со львятами, позволяет им как угодно резвиться, трепать себя за хвост и гриву — дети ж!.. А львица ходит на охоту и приносит пропитание...

— Это почти по человеческой схеме.

— Совершенно верно. Но на манеже, когда много львов и одна-две львицы, — это взрывоопасная ситу-

ация. Особенно, если львица, так сказать, загуляла. Ее надо немедленно отсаживать куда-нибудь подальше, чтобы духу ее не было, и близко не мяукала. Вообще сохранять порядок и мир на манеже, чтобы каждый знал свое место и предназначенье, — это проблема номер один. По той же причине, что в природе он царствует в одиночку. Маленькое княжество, но его.

Сейчас в квартире у Ирины Николаевны живет Нерон. Тоже «император», тоже из кошачьих, только поменьше ростом. Это великолепный серый кот. Он обстоятельно меня обследовал, не нашел ничего предосудительного и удалился не менее гордо, чем лев. Явно понимает, что живет у Бугримовой и положение объясняет.

На снимке: Ирина Бугримова, укротительница львов.